

Арина Дар

СЛЕЗЫ АНГЕЛА

УДК 82-3
ББК 84-4
Д20

Д20 **Дар А.**
Слезы Ангела / Арина Дар – М.: Литнет, 2025. – 156 с.

ISBN 978-5-521-93699-1

Арина, закончив университет в Москве, возвращается в свой провинциальный городок. У нее нет любви родителей, нет поддержки. Пережив страшную ситуацию, она пытается снова жить, забыть и двигаться дальше. Но одна встреча поздним вечером, снова переворачивает ее жизнь.

Андрей, сын криминального авторитета. Он идет по стопам отца. Жесткий, холодный. На его руках уже есть кровь. Но у него есть тайна, которую он бережет, в самой глубине, своей черной души.

Алекс, настоящий мужчина, сильный и честный, за ним любая женщина, как за каменной стеной. Сможет ли он защитить хрупкую Арину от прошлого и больного настоящего?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93699-1

© Литнет, 2025
© А. Дар, 2025

Глава 1. Арина

Я стояла под дождем. Капли стекали по моим щекам, продолжая путь к шее. Это было откровение, когда ты обнажаешь свою душу перед тьмой, фонарями и ливнем. Пропадает одиночество, кажется все позади. На улице ни души, значит, можно было не стесняться своих эмоций.

Снова ссора с родителями. После окончания университета, переезда из общежития к ним, нужно было снова уезжать из квартиры родителей. Но я ждала удобный случай, а может, мне было жаль денег на съемное жилье. Сейчас это было не важно. Я из семьи с низким достатком, на свое обучение зарабатывала сама, в продуктовом магазине продавцом, поэтому знала, как сложно в этом мире досдаются деньги. По настоящему больно было, от того что, отчим так и не стал отцом, а родная мать, так и не стала для меня, чем-то большим, чем просто буквы в свидетельстве о рождении. В этот раз, я не угодила своим взглядом на жизнь. Мать хотела выдать меня поскорее замуж, а я туда, мягко говоря, не стремилась. Тем – более не имея даже постоянного возлюбленного, а точнее не имея даже не постоянного, это и делало задачу совсем не выполнимой.

– Арин, давай уже захомутай парня побогаче. Что ж ты в своем универе не нашла сынка какого-нибудь депутата? – она стояла в засаленном халате, под глазами были синяки. Мне было жаль смотреть на нее, но каждое слово отдаляло меня.

– Мне не нужны чьи-то сынки, я хочу... – не успеваю договорить я, с пунцовыми щеками.

– Ни кому не важно, что ты хочешь, если раздвигать ноги, то с умом.

В очередной раз я просто сбежала на улицу, громко хлопнув дверью. Мне так нравилось бродить по темным улицам своего района. Словно лишь они могли меня принять настоящую, живую,

с красными глазами. Выйдя из подъезда, накинув капюшон толстовки, я направилась в сторону парка. Здесь прошло мое детство. Было грустно вспоминать, как мы часами гуляли здесь всей семьей. Я не могла до конца осознать, что так быстро все может измениться. У папы обнаружили рак. Он сгорел на моих глазах за три месяца. Стоя на похоронах у его гроба, я думала, что это сон и вот вот все исчезнет. Мне нужно было возвращаться в университет, мама замкнулась в себе. Приезжая каждый раз на выходные, я видела как она меняется, меняется и наш дом.

Я училась на экономиста. Лишь на лекциях, могла забыться обо всем. В университете, у меня было несколько поклонников. Я не отличалась серой внешностью, рыжие длинные волосы всегда приковывали внимание. У меня была подружка, Катька которая всегда сватала кого-то мне, из потока. Но я оставалась равнодушной. В душе была огромная дыра. Хотелось глубины, а иногда даже защиты. Такой, которая бывает лишь от родного отца. Слезы снова наполнили глаза.

Резкий звук тормозов, я поворачиваю голову, в глаза бьет резкий свет.

Вы когда-нибудь чувствовали, как ваше сознание выплывает из густой темноты неизвестности? Твое тело хочет встать, но ты его просто не чувствуешь. И себя не чувствуешь. В этом состоянии было, даже что-то приятное. Покой, умиротворение, не нужно было ни куда спешить. Это было для меня роскошью, поэтому я даже не пыталась выйти отсюда.

Сквозь темноту, слышу голоса. Не могу до конца разобрать. Сознания касаются лишь обрывки фраз.

– ...я даже не видел! – говорил мужской голос. Нотки выдавали хрипотцу, тембр был приятный, но с волнением.

– А нужно смотреть...что сказать отцу? – отвечал голос, гораздо старше первого.

– Не нужно...я сам...мы решим.

Я попыталась открыть глаза, но ничего не вышло, веки были тяжелые, и я провалилась в сон. Точнее, это был ни сон, это была страшная реальность, которая иногда давала о себе знать воспоминаниями. Это происходило раз в месяц, ко мне приходили картинки того, что случилось 1 год назад.

И вот снова наблюдаю со стороны. Я бегу в свое общежитие, уже поздно и почти не вижу дорожку, проходящую между живой стеной из хмеля и стеной от заброшки, которая когда-то была домиком завхоза Петра Семеновича. Уже не боюсь темноты, думая лишь, о том, как буду сейчас пить чай, с соседкой Катькой, ступаю прямо в темноту. На секунду я замираю. Тишина. Что-то касается моей руки. Резко одергиваю руку. О боже! Нет, только ни снова!

Я просыпаюсь от собственного крика. Мои ладони в поту, во рту сухо. И на секунду я просто зависаю. Палата. Лунный свет, падает в огромное окно. Совершенно белое помещение, цветы на прикроватной тумбе, датчики сердцебиения. Палата частная, это и дураку станет понятно. Но, что я здесь делаю? Пытаюсь встать, безумная слабость, все размыто. Откинув одеяло вижу свое тело в операционной сорочке, а из под нее, мои ноги в каких-то пятнах. Встаю на пол, опираюсь на стену, пробегает мысль, что нужно кого-то позвать. А что, если меня насильно сюда привезли? А цветы? От кого они? Мои родители точно бы не подарили такой огромный букет. Думай, Арина, думай! Голова не работала, хотелось просто оказаться дома. Увидев у входа в палату, шкаф, я медленно направилась к нему. Открыв, увидела черный пакет, а в нем свою одежду. Она была испачкана чем-то темным. В кармане джинс, я нашла три сотки, которые так же были темного цвета. Осталось за малым, найти телефон, но его не было не в джинсах ни в толстовке.

За всеми своими черепашными движениями, я даже не заметила, как начало светлеть за окном. Не хотелось здесь задерживаться, не известно было, что со мной произошло, чувство беспокойства нарастало, а голова продолжала кружиться. Но с рассветом я стала

четко видеть, что за темные разводы были на моих джинсах и толстовке. Кровь темными пятнами покрывала даже деньги, которые были сейчас в руке. Меня пробивала мелкая дрожь и мелкие мурашки проходили по позвоночнику.

Нужно убираться от сюда

На остановке все косились на меня. Да я и сама понимала, что мой вид был пугающим. Мне хотелось провалиться под землю. Рыжие грязные волосы, синяки под глазами. Из больницы я вышла не без труда. Когда я уже вышла за территорию, кто-то из медсестер меня окликнул, ускорив шаг, я побежала в сторону остановки. Скорее бы добраться домой. Правильно ли я сделала, что ушла? Сейчас на душе был только страх. Мне даже не было стыдно, за свой внешний вид. Что это за больница, что за цветы? Синяки ныли, голове стало лучше. Выйдя из автобуса, переварив все взгляды на себя, я побрела в сторону дома.

Зайдя в подъезд, сразу почувствовала неладное. Здесь толпились люди. Сердце стало бешено колотиться. Бегом поднялась на пятый этаж. Рядом с квартирой, стояли полицейские и наша соседка тетя Клава. Она плакала, глаза были опухшими. Я замедлила шаг. Последний подъем, был самым тяжелым. Тетя Клава заметила меня и уже перестала скрывать свои эмоции. Слезы потекли ручьем.

– Арина, Ариша!!! – она протянула ко мне свои руки. Они были на столько родными, но я пробежала мимо них.

Помню, как забежала в квартиру полную чужих людей в медицинской форме и полицейских.

– Девушка, вы проживаете в данной квартире? – кто-то одернул меня.

Я сидела на полу, а передо мной лежала моя мама. Та, что была последней и единственной родной душой. Ее лицо не выражало ни боли, ни страха. Было пусто, словно все встало на свои места. Теперь я одинока ни только в душе, но и по факту. Мне вспомнилось, когда мы, были еще дружны, и папа был жив, сидя за нашим большим столом, мы мечтали, как будем проводить наш общий

отпуск. А теперь, я сидела на полу нашей квартиры, на том самом месте и не знала, что будет дальше. Сквозь тюль светило солнце, распавшаяся на множество маленьких лучиков. Мелкие пылинки летали между этих людей. А я словно перестала существовать.

– Соловьева Арина Владимировна? – я подняла глаза вверх. Передо мной стоял мужчина в форме. Точеные скулы, пухлые губы. От смущения я отвернулась.

Его карие глаза прожигали. Мне стало не по себе.

– Да, это я – мой вид говорил сам за себя. Запекшаяся кровь стала уже черной.

Чтобы во всем разобраться потребовалось больше трех недель. Следователь сказал, что моя мама умерла от сердечного приступа. Но он очень настойчиво пытался узнать, что произошло со мной. После того, как выяснилось, что кровь на одежде моя он стал мягче в своих допросах.

– Арина Владимировна, я ваш друг. Давайте еще раз, вы мне расскажите, что произошло с вами 28 июня этого года? – его взгляд скользил по моим губам.

– Я уже все рассказала. Вы меня в чем-то подозреваете? – я уже не была ребенком и где-то на подсознание понимала, зачем он приезжал.

– Просто, вы так и не сказали, что именно за больница была тогда. – Он закусил губу. Ему было около тридцати, хорошего телосложения. Но я боялась его. Что он хотел от меня? К чему эти вопросы?

– Арина, я могу предложить вам, помощь нашего штатного психолога.

– Спасибо, но я в порядке. – Под блузкой становилось холодно, кончики пальцев начинало покалывать.

– Я просто хочу вам помочь. – Его глаза точно обладали гипнозом. Он поставил бокал с чаем.

– У меня больше никого нет, мне не поможет психолог. – Я резко перевела на него свой взгляд.

– Вы ошибаетесь, Ариша.

Глава 2. Принятие

Каждый раз, когда ложилась спать, я мечтала, чтобы все оказалось сном. Радовало лишь одно, отчим куда-то пропал и не появлялся уже месяц. Сказать, что я была рада его сознательности, это ничего не сказать. Мне нужно было искать работу и его визиты, с друзьями, такими же синими, как он сам, не входили в мои планы. Ведь ключи так и оставались у него. Я постоянно пыталась заставить себя, думать головой. Денег, отложенных с универа, скоро станет ни хватать. Но я просто закрывалась в ванной по привычке, залазила в горячую воду и пыталась хоть как-то согреть свое тело. Меня постоянно бил озноб. У меня не было истерики, просто все время шли слезы. Они просто текли. Меня пугало все, все, что сейчас со мной творилось. Я не выходила из дома, мне было страшно. В груди жался комок, и только перед сном я могла выплакать все. А завтра начинался новый, старый очередной день, в котором я должна была, понять, как жить.

Мама. Как много в этом слове для каждого из нас. И для всех, что-то свое. Мама. Это теплые руки, которые будят по утрам и голос, который зовет кушать пирожки. Это: «Ну зачем ты туда полезла, все коленки разбила! Господь милостивый, я так перепугалась». Мама. Это слезы радости, когда ты получила диплом, ее улыбка, слова: «Я всегда верила в тебя! Иди ко мне, дай обниму». Мама, это святое, душевное, родное. Тот, к кому ты придешь и тот, кто всегда, будет ждать твоего прихода. Она та, кому не важен твой статус в обществе, та кто обогреет, приободрит, поможет, а потом сядет и скажет: «Мы справимся, доченька».

Такой любви у меня не было. Но знала, что если бы у меня был ребенок, я отдала бы всю себя. Хотя я понимала, семьи у меня никогда не будет. Мое не стремление к браку и иметь детей, мои отчим и мать, считали данью современной моде. Они называли

меня: «Сильная и независимая». Это сопровождалось ухмылками, а в пьяном состоянии еще и оскорблениями. В университете было много таких, как я. Кто-то действительно кичился этим, входил в определенные субкультуры, выходил на митинги. Я просто молчала об этом. Катька всегда говорила, как хорошо иметь ребеночка и семью. Я же понимала, как легко, это можно потерять.

На самом деле, я всегда хотела дочку. Мне уже 24, как говорят «порабыуже». Но понимала что, даже встретив достойного мужчину, я не дам здоровых отношений. Если я была разбита, если в душе одни руины, кого я могу сделать счастливым? Особенно ребенка. А то, что произошло со мной в универе, после смерти отца, окончательно убило во мне веру в чувства.

Я быстро очнулась из своих мыслей, когда услышала звук ключа, два поворота и леденящую тишину из прихожей.

Тихие шаги, направились ко мне в комнату. Вжавшись в спинку кровати, я продолжала смотреть на вход. Передо мной стоял отчим. В руках была бутылка, а в глазах, слезы которых никогда не видела прежде у него. Самое главное, что я заметила, это было сожаление. Он стоял и словно просил: «Прости меня».

– Влад, где ты был? – решила начать я.

– У друзей. Не мог сюда придти. Здесь все напоминает о ней. – Запах перегара, дошел до кровати.

– Приготовить, тебе поесть? – мне стало жаль его. Он смотрел в пол и так не разу не посмотрел на меня.

– Не, не надо. Я хотел сказать тебе, что перееду к матери обратно. Пришел вещи собрать – развернулся и пошел в сторону их спальни. Закрыл дверь, и я услышала всхлипы.

Встав с кровати, на носочках пройдя через прихожую, подошла к их двери. Сквозь щель, я видела мужчину в старой куртке сидящего на согнутых коленях. Его лицо заливали слезы. В дрожащих руках он держал рамку, с фотографией моей матери, которую еще когда-то, подарил мой отец.

– Оля, Оленька. Солнышко ты мое. Что, что, мне здесь делать, без тебя? Что я могу без тебя?

Я открыла дверь. Мне кажется, он даже не заметил, как я села на колени и обняла его. Дрогнув, он положил голову мне на плечо, его слезы текли по моей руке. Он был чужим для меня человеком, и никогда не лез в наши ссоры, с матерью. Но это боль, разъела нас двоих. За окном было солнце, во дворе играли дети, смех, легкий ветерок играл со шторой.

– Мы с ней познакомились случайно. Она была разбита после смерти, твоего отца. Я был балагур, с наклонностями ловеласа. Алкоголь, друзья. Она не слишком мягкая была. Но я полюбил ее, вот такую, – он отпил из бутылки. – А тут, прихожу, а она лежит на спине. Я ее трясусь, Оля Оленька, а она молчит и смотрит так пусто, – его губы коснулась мелкая дрожь. – Я к телефону, в скорую. Приехали, сказали, нет моей Оленьки больше! А потом меня менты увели. На допросе потом, спустя время сказали, сердечко не выдержало.

Я не знала, что сказать. У меня ни осталось никого.

Так мы и сидели, седой мужчина, с фото, на котором была его последняя любовь и рыжая девушка, которая даже не знала, что ее ожидает дальше.

Он не спеша собрал свои вещи.

– Знаешь, ты хорошая девушка. Извини меня, если я был груб с тобой – он смотрел на меня, поджимая губы. Я видела, как сложно ему давались эти слова. – Да, мама была жестока, с тобой. Но она ведь мама. Держись и если что, звони. – Дверь закрылась, его ключи остались на тумбочке.

И я не выдержала.

Больше никто не придет ко мне.

Я упала, кричала, задыхалась, била себя по щекам. Мой крик шел, словно не из горла, а прямо из души, словно все мое тело кричало. Каждая клеточка меня, стала одинокой и пустой. Мне